



XIX

КОЛОНИЗАЦИЯ И ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДЕЛО

(Добровольная, принудительная и тайная колонизация в XVII и XVIII в[в]. Новейшее переселение и его статистика. Губернии, высылающие переселенцев на Алтай. Распределение переселенцев на Алтае.

Отношение старожилов и приписка в старые селения. Новые участки и условия поселения на них; непричисленные переселенцы. Материальное положение переселенцев на новых местах; внутреннее передвижение и обратные переселения. Значение переселений для Алтая. Необходимость специального кредита для переселенцев)

Первое появление русских на Алтае относится к началу XVII века, но лишь сотню лет спустя, заселение края принимает значительные размеры. Здесь, как и всюду в Сибири, первый путь проложили среди инородцев ратные люди, а следом за ними являются звероловы и пахарь – беглый раскольник или крепостной – и опережают в дальнейшем движении официальных представителей государства. В 1607 г. кузнецкие татары заплатили томскому воеводе первый ясак, но через два года взбунтовались. Против них из Томска отправлена казачья экспедиция и этим начат целый ряд стычек передовых русских отрядов с алтайскими инородцами – черневыми татарами, телесами, калмыками и киргизами. Медленно, осторожно подвигаются русские посты на юг, к Алтайскому хребту. В 1618 г. построен Кузнецкий острог и под его защитой вырастают первые русские заселки в Горном Алтае. В 30-х гг. XVII ст[олетия] казаки пытаются укрепиться на р. Бие, но без успеха. Первое время заселение идет тихо; только со второй половины века начинают оживляться предгорья Алтая. Здесь, по безлюдным берегам Оби, ищут убежища в скитах и пустынях беглые раскольники. К концу столетия их одинокие скиты вырастают в целые деревни и слободы, как Елунина (ныне Шадрин[ская] вол., Барн[аульского] окр.), Заплывина (Чумыш[ская] в[ол.]), Фунтикова (Барнаул[ьская] в[ол.] Бийск[ого] окр.) и др. С началом XVIII века оживает и правительственная колонизация; закла-



дывается (в 1709 г.) Бийская крепость, строятся остроги – Крутишинский, Белоярский, Бердский, Чаусский (1713 г.). В это же время закладывается (в 1721 г.) первый пост – Усть-Каменогорская крепость, в юго-западном углу Алтая, на р. Иртыше.

В 1723 г. двое русских охотников проникли до Колыванского озера и здесь нашли древние чудские шлаки и руду. Открытие привлекло к Алтаю внимание творца горного дела на Урале Ак[инфия] Н[икитича] Демидова. В 1726 г. им присланы горные мастера и заложен первый Колыванский завод. С этого времени Алтай получает новое, важное значение для России; колонизация сразу принимает широкие размеры, но теперь она ведется с новой целью и новыми средствами.

Демидов переводит на Алтай мастеров и горнорабочих со своих уральских и олонечких заводов, а в 1738 г. получает разрешение селить при заводах и закреплять за ними «пришлых людей», исключая беглых. Таким путем к 1747 г. при заводах составилось население из 3 121 чел. приписных крестьян и мастеровых. При новом владельце заводов, Кабинете Е[е] И[мператорского] В[еличества], переселять сюда крестьян для заводских нужд начинает само правительство. Так, в 1749 г. издано повеление селить на Алтайские заводы уже всех, «явившихся в Сибирь по ревизии и присылаемых от Сибирской губернской и прочих тамошних канцелярий, не исключая ни престарелых, ни малолетних»; в 1755 г. приказано оставить на заводах даже заведомо беглых от помещиков. В 1761 г. повелено для горных работ на Алтае собрать в Сибирской губ. 1 000 рекрут. Закрепощается за заводами и все остальное русское население Алтая, добровольно здесь осевшее в разное время. Так, в 1747 г. было приписано к заводам несколько селений (Белоярская и Малышев[ская] слободы, Бердский остр[ог] и др.); к 1761 г. приписных числилось уже 10 933 чел., а в этом году повелено «отписать еще к тем заводам вприбавок *достальных* Томского и Кузнецкого уездов крестьян и разночинцев». При этом многие были переведены на другие места, ближе к заводам и рудникам. Нелегко отразилось новое положение на первых, вольных засельщиках Алтая; кто смог и успел, бежали от него дальше, в глубь гор, а многие даже смерть предпочли «антихристовым порядкам». В 1743 г. сожгли сами себя 18 чел. в Белоярской крепости Кузнецк[ого] ведомства. В 1756 г. в д. Мальцеву (ныне Ояшин[ская] вол. Томск[ого] окр.) из окрестных деревень сошлось множество раскольников; на увещания высланной команды они потребовали: «сменить начальство за то, что оно отрывало их от земли и мучило на работах, заставляя строить дощаники и возить хлеб в дальние места (на заводы?)». Кончилось тем, что собравшиеся сожглись в числе 172 человек¹. И это еще не единственные случаи самосожжения.

¹ Пругавин. Самоистребление. //Русс[кая] мысль. – [18]85. – № 1. – С. 87, 106.



В то же время, для защиты заводов, на южной границе русских владений на Алтае создается военное население – казаки. Здесь возводятся и заселяются ряды пограничных форпостов, редутов и станиц – «военная линия». В 1759 г. закладывается линия от Бийска до Шульбинского форпоста, продолженная затем в 1764 г. до Усть-Каменогорска; на ней в 1760 г. поселено 2 000 чел. В 1795 [г.] начато заселение Бухтарминской линии.

С 1755 г. на Алтай начинают ссылать преступников, осужденных за тяжкие уголовные преступления. Часть их идет на заводские работы, остальных зачисляют в крестьяне и селят деревнями. Так, напр., возникло с. Красноярское и многие другие деревни Усть-Каменогор[ской] вол., Бийск[ого] окр. В 1776 г. ссылка на Алтай прекращена.

В 1765 г. на Алтае появляются новые колонисты: сюда водворены «поляки», выведенные войсками из Польши, главн[ым] образом, с Ветки, беглые раскольники. Ими заселено несколько деревень по северному склону Алтая. Паллас посетил деревни «поляков» и ссыльных поселенцев в 1771 г., вскоре после их основания. Раскольники всюду на новых местах успели уже завести полное хозяйство, вели довольно большую запашку и разводили пчел; ссыльных же он нашел плохими хозяевами и «ленивыми».

В то время как правительство всеми мерами старалось заселить предгорья и северные склоны Алтая, в глубь гор, на р. Уймоне, и по южному склону, на притоках Бухтармы, шла самовольная, тайная колонизация. Под защитой неприступных скал – «камня» (горный хребет) нашли себе убежище те, кому в благоустроенном обществе было тесно, жилось трудно. Сюда, в знаменитое «Беловодье», спасались раскольники от гонений за «веру», рекруты и солдаты – от вечной службы; бежали заводские крестьяне и мастеровые из заводской каторги, крепостные – от произвола господ. Вдали от всех стеснений и преследований, этот сброд сложился в своеобразное общество «каменьщиков» (горцев), с особыми порядками и собственными, неписаными, но строго исполнявшимися законами. Эта сибирская Сечь, удачно отражая, в случае нужды, нападения казачьих команд и китайцев, жила обычными занятиями сибирского крестьянина. В горных ущельях и долинах были разбросаны поселки в 3–5 дворов, удобные места распахивались, чернь в изобилии давала зверя, горные реки – рыбу. Алтайское начальство узнало о каменьщиках в 1761 г. и старалось силой уничтожить заманчивый для заводского люда притон, но без успеха. Однако с развитием горного дела укрываться становилось все труднее, вблизи появлялись большие разведочные партии рудокопов, а в 1791 г. вблизи р. Бухтармы основан Зырянковский рудник. Затруднения каменьщиков осложнились трехлетним неурожаем и голодом, достиг-



ли крайней степени и, в конце концов, заставили смириться. В 1791 году 30 селений каменщиков отправили к Императрице II депутатов, с просьбой принять их в подданство на правах инородцев, в 1792 г. получили помилование и обложены небольшим ясаком. Поселившись в 9 деревень, они составили 2 инородческие управы, Уймонскую и Бухтарминскую, которые только в 1882 году преобразованы в крестьянские волости. Все путешественники говорят о зажиточности, редкой добросовестности, простоте нравов, гостеприимстве, а также о чувстве собственного достоинства, смелости и ловкости каменщиков.

С закрепощением алт[айского] населения, добровольная колонизация завод[ских] волостей прекращается. Переселенцы направлялись в Смоленскую вол. Бийского округа, где жили государственные крестьяне – потомки поселенных здесь солдат Тарского драгунс[кого] полка. К ним приселялись, понемногу, «пришлые люди» в течение целого столетия, но в более заметных размерах новоселы появляются только с 1834 г. Это уже не случайно зашедшие на Алтай с разных сторон одиночки и семьи, а настоящие «рассейские» переселенцы из Тамбовской, Рязанской и Орловской губ.

8-е марта 1861 года принесло алтайскому крестьянству свободу от заводских повинностей и права сельского и волостного самоуправления, но поземельное устройство его до сих пор не закончено. «Впредь до приведения в известность и разграничения земель Алтайского горного округа», бывш[им] заводским крестьянам предоставлены лишь *во временное пользование*, за шестирублевый оброк, «все усадебные, пашенные, покосные и др. угодья», нарезанные селениям по межеванию [18]20–[18]30 гг. Полным же собственником крестьянских наделов, как и всех алтайских земель, остается и по сей час Кабинет. На этом основании за ним же осталось и право разрешения селиться на Алтае, даже в пределах крестьянских земель.

При освобождении заводских крестьян вопрос о праве и условиях водворения на кабинетские заводские земли был забыт и обойден.

Между тем, из освобожденной от крепостничества России на Алтай потянулись «самоходы» и, размещаясь здесь среди старожилов, жили, так сказать, нелегально, без официального перечисления на новые места. Местная администрация, где смотрела на это сквозь пальцы, а в ином месте выживала «самовольных переселенцев» с кабинетской земли. Один из таких случаев и был поводом к возбуждению вопроса о праве переселения на Алтай.

В 1865 г. 30 семей переселенцев из Семипалатинской обл., которых алтайская администрация начала гнать из округа, обратились в Кабинет с



просьбой о разрешении приписаться в алтайские волости и получили его. Тогда Алтайское Горн[ое] правление, в свою очередь, обратилось к Кабинету с запросом, как быть с 4 368 живущими на Алтае без приписки новоселами. В ответ на это, в том же году, были установлены правила водворения переселенцев на Алтае.

Определением Госуд[арственного] Совета дозволено селиться на незанятые кабинетские земли или приписываться к обществам бывш[их] заводских крестьян с согласия последних и особого, в каждом отдельном случае, разрешения Алт[айского] горн[ого] правления. Условия для новоселов оставлены те же, какие установлены при освобождении для бывших завод[ских] крестьян: пользование, за шестирубл[евый] оброк, пашней и сенокосом и право на изв[естное] количество бревен и дров за бесплатную опалку кабин[етских] боров и тушение лесных пожаров. Причислившиеся к обществам старожилов должны пользоваться угодьями в пределах установленных поселенных граней, а занимающим свободные земли определено отводить в пользование *не менее* 15 дес. удобной земли на душу. Никаких денежных вспомоществований или льгот в платежах и повинностях решено, на основании закона 1855 г. о переселениях на удельные земли, новоселам не давать.

Доступ к привольным и богатым землям Алтая открыт, и российская беднота хлынула сюда непрерывным потоком, сначала по сотням, а потом десятками тысяч в год. В 1866 г. перечислилось на Алтай 382 чел., а за 1888 год *всех* переселенцев надо считать не менее 20 тысяч!

Определить размеры и ход переселенческого движения на Алтай в точных цифрах пока нет возможности. обстоятельной статистики переселений за весь период не вело ни одно из местных учреждений. Одновременное же специальное исчисление *всех* групп переселенцев было сделано всего раз, в [18]82 г., приезжавшей ревизовать Алтайский округ комиссией. Сведения Томской казен[ной] палаты касаются *перечислившихся* в Алт[айский] окр., и притом лишь ревизских душ, а между тем без перечисления на Алтае живет, как увидим, очень значительная доля переселенцев. В Алт[айском] Главн[ом] управ[лении] годовичные цифры имеются только с [18]84 г., но и они не охватывают всех переселенцев. Сюда вошли только поселившиеся на новые участки и получившие уже приемные приговора от обществ старожилов, а кроме них немало переселяется в города и живет в деревнях по паспортам с родины.

Таков весь статистич[еский] материал, отчасти уже опубликованный, отчасти не бывший еще в печати, каким мы располагаем. За неимением более точных и однородных данных, попробуем, на основании имеющихся, набросать хотя самый общий очерк переселенческого движения на Алтай за последнее время.



Разбивая весь период с 1866 до [18]90 г. на шестилетия, мы для первых 18 лет имеем вполне однородные данные о количестве *перечислившихся* в Алтайский округ, а за последнее шестилетие – более полные сведения Алт[айского] Главн[ого] управления. Ввиду разнородности первых цифр со вторыми, мы рассмотрим их по отдельности. Ход переселения за 1866–[18]84 г[г.]. наглядно выражается в следующей таблице:

[Показатель переселений]	ЗА ШЕСТИЛЕТИЕ			ЗА 18 ЛЕТ
	1866–[18]72	1872–[18]78	1878–[18]84	1866–[18]84
Число перечислившихся	3 691	4 288	9 727	17 606
Среднее годовое	615	716	1 621	978

Первое время переселенч[еское] движение идет довольно медленно, увеличиваясь во второе шестилетие всего на 16,1%, или по 2% ежегодно. В конце же [18]70–х гг. «самоходы» сразу двинулись с родины на Алтай сплошной массой: число их в третьем периоде выше предыдущего на 124%, рост годовой цифры увеличился в 10 раз (21%)! Такого быстрого подъема в количестве перечислившихся нельзя приписать каким-либо изменениям местных условий причисления; наоборот, получить приемный приговор у старожилов становится с каждым годом труднее и дороже. Показания таблички подкрепляются и еще резче подчеркиваются числом переселенцев, живших на Алтае без причисления.

В конце 1876 г. их было всего 1 765 чел., в половине [18]82 г. – уже 17 942, а к 1 янв[аря] [18]84 г. – 30 544 нал[ичных] д[уш] об[оего] пола! Здесь годовой рост по июль [18]82 г. составляет 2 941 чел., а в следующие 1½ г[ода] годовая цифра поднимается до 8 401 ч[ел.]. Но кроме них, в [18]83 г. было еще 1 976 рев[изских] д[уш] об[оего] п[ола] перечислившихся, а, следовательно, всех переселенцев за год надо считать никак не менее 11 тыс. чел.¹

Данные следующего шестилетия доказывают, что последняя цифра не велика. При этом мы уже говорили, что данные Главн[ого] Алт[айского] управл[ения] не охватывают всей массы переселенцев. По сведениям этого учреждения, в течение четвертого шестилетия переселение шло так:

¹ Не имея точных данных для вывода отношения, среди переселенцев, ревизских душ к наличным, мы не решились вычислять наличный состав причисленных, но полагаем, что в данном случае взяли (2 600 нал[ичных] вместо 1 976 рев[изских] [душ] об[оего] п[ола]) не слишком много. Г[осподин] Чудновский, рядом с наличным числом (30 544 ч[ел.]) непричисленных, приводит и ревизское (11 787), но не указывает, вошли ли в последнее ревиз[ские] д[уши] обоего пола или только мужские.

[Показатель переселений]	1884	1885	1886	1887	1888	1889	Итого
Наличн[ых] душ об[оего] п[ола]	12 101	16 890	16 282	15 821	18 031	17 296	96 331
Увел[ичение] или умен[ьшение] проц[ента]	–	+39,5	–3,5	–2,8	+13,9	–4,5	–

Здесь, прежде всего, общий итог поражает чудовищными размерами движения. За последние 6 лет на Алтай пришло чуть не втрое (269%) больше переселенцев, чем за целые 16½ лет до того: к 1 июля [18]82 г. *всех* переселенцев в волостях Алтая было, по сведениям Гл[авного] Алт[айского] упр[авления], только 35 802 чел. Правда, этот изумительный рост движения шел неравномерно, годовая цифра переселенцев колеблется то вверх, то вниз, но тем очевиднее случайность этих колебаний. Весь ход колонизации Алтая за последние 24 г[ода] ясно говорит, что в основе переселенч[еского] движения лежат общие, постоянные причины и под их давлением, что ни год, то больше народу поднимается с родной земли, а разные случайности и искусственные препятствия могут задержать поток лишь на время. Такой, правда, счастливой случайностью был необычайный урожай по всей Евр[опейской] России в [18]86 г. Поослабла немного нужда и число переселенцев за [18]86 г. падает на 608 чел. ниже предыдущего. В следующем году новоселов еще меньше, а причина, вероятно, все та же: исключительный урожай породил надежду «извернуться» дома. Тем сильнее хлынула волна на прибыль в [18]88 году. Этот год был исключительным в деле переселения в Сибирь. Тогда число переселенцев неожиданно увеличилось *в три раза* («Рус[ские] вед[омости]»). [18]90 г. № 50). На Алтае этот подъем годового числа выразился далеко не так сильно, но все же достиг небывалой цифры – 18 тыс. чел. Неудивительно, что вслед за тем она несколько понизилась; впрочем, о причинах прошлогоднего понижения судить еще рано.

Попробуем, несмотря на неполноту и неоднородность данных, сопоставить частные итоги, чтобы, хотя *приблизительно*, определить общее число новоселов на Алтае. К 1-му июля [18]82 г. *всех* причисленных было 26 687 нал[ичных] д[уш] об[оего] п[ола] (17 860 – в волостях и 8 827 – в городах); непричисленных же к янв[арю] [18]84 г. было 30 544 ч[ел.]. Наличное число причислившихся с июля [18]82 по янв[арь] [18]84 г. нам неизвестно, а ревиз[ских] д[уш] об[оего] пола перечислилось 1 589 в [18]82 г. и 1 976 в [18]83; за 1½ года это составит около 2 700 р[евизских] д[уш] и не менее 5 000 наличных. Всего, следовательно, к [18]84 г. переселенцев было не менее 62 000 чел., а вместе с получившими в [18]84–[18]89 гг. от Гл[авного]



Алт[айского] управл[ения] разрешение поселиться, они составят 158–160 тыс. Но сюда не вошли, во-первых, все городские новоселы с [18]82 года, а их вряд ли меньше, чем было до половины этого года. Алтайские города растут, благодаря переселениям, оч[ень] быстро, особенно Бийск и Кольвань. В первом население за 12 л[ет] почти утроилось, поднявшись с 6 356 чел. в 1873 г. до 17 560 чел. в [18]85 году (176,5%), во втором удвоилось в 10 лет: в [18]75 г. было 6 309 ч[ел.], а в [18]85 году – 13,158 (108%). Кроме того, в данных за [18]84–[18]89 г. не показаны живущие без приемных приговоров в деревнях, а они составляют большинство в огромных цифрах непричисленных. Поэтому, не слишком много – скорее наоборот – считать всех поселившихся на Алтае за 24 г[ода] переселенцев около 200 тыс.

Участие в переселении на Алтай, за рассматриваемый период, принимали 59 губерний и областей: 46 губ[ерний] и обл[астей] Евр[опейской] России (в том числе 4 привислянских и 1 финляндская), 7 сибирских, 4 среднеазиатских и 2 кавказских. Размеры участия различных губерний колеблются в огромных пределах между одним переселенцем из Финляндии и 22 тыс. чел. из Тамбов[ской] губ. Роль каждой из этих губ[ерний] и обл[астей] в новейшей колонизации Алтая видна из прилагаемой таблицы, где для губерний, давших за все время менее 100 чел., приведен только общий итог. В таблице нет сведений о количестве причислившихся с 1 июля [18]82 по [18]84 год.

Из этих 59 губ. и обл[астей] 11 (Волын[ская], Гродн[енская], Келецк[ая], Псков[ская], С[анкт]–Петерб[ургская], Смоленск[ая], Ставропол[ьская], Тверск[ая], Якутск[ая], Ярослав[ская] и Финляндия) дали за все время около 70 пересел[енцев], а в последнее шестилетие совсем не встречаются. Очевидно, их участие в переселениях, помимо ничтожности, было совершенно случайным.

Из остальных 48 губерний и обл[астей] больше половины давали так же настолько незначительный процент переселенцев, что по отношению к ним трудно приложить и самый термин «пересел[енческое] движение». Если принять пределом последнего ежегодное выселение из губернии только 10–ти семей (т. е. не менее 50 чело[век]) и притом лишь за последнее шестилетие, район переселенческого движения значительно сократится. Из него придется выкинуть еще 25 губ., выславших за [18]84–[18]89 гг. каждая менее 300 чел. За все время эти губернии дали вместе 2 924 переселенца, или, в среднем, по 116,9 на каждую, а в год высылали всего по 4,8 чел., т. е. не больше одной семьи.

Таким образом, в строгом смысле переселенч[еский] район ограничивается в настоящее время 23 губ[ерниями]. По размерам переселения, эти 23 г[убернии] можно разбить на три большие группы.

В 1 гр[уппу] войдут 5 губ[ерний], выславших от 300 до 1 000 перес[еленцев]: Могилев[ская], Черниг[овская], Нижегород[ская], Симбир[ская] и Казан[ская]. Вторую группу составляют 11 губ[ерний] с 1–10 тыс. переселенцев на каждую:



	Переселенцы при- числявш. к 1 июля 1882 г.		Непринятые по волостям к 1 января 1884 года	Получившие от Алтайского Главного управления разрешение водвориться на Алтай												Всего
				1884 г.		1885 г.		1886 г.		1887 г.		1888 г.		1889 г.		
				На новые участки	В стар[ые] общества	На новые участки	В стар[ые] общества	На новые участки	В стар[ые] общества	На новые участки	В стар[ые] общества	На новые участки	В стар[ые] общества	На новые участки	В стар[ые] общества	
Московская	2	11	72	—	—	—	17	—	25	4	7	—	—	3	—	141
Астраханская	108	1	—	—	—	—	—	—	—	59	—	—	—	—	—	168
Актюлинская	6	—	18	—	21	32	4	43	15	32	24	—	5	—	20	220
Саратовская	21	—	111	—	—	—	84	6	—	7	7	3	—	11	—	250
Костромская	25	72	67	—	12	—	16	16	9	5	19	—	6	—	4	251
Анурская	144	128	11	—	10	25	9	—	—	—	10	—	1	—	—	341
Могилевская	16	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	271	103	391
Владимирская	41	99	198	—	4	36	28	11	24	14	11	2	27	—	13	408
Семиреченская	173	28	120	—	—	14	15	19	20	—	—	—	30	19	—	436
Черниговская	10	1	73	—	78	4	67	6	16	—	4	17	122	13	29	442
Енисейская	120	206	36	—	—	—	—	19	22	6	22	—	6	8	5	450
Нижегородская	16	71	178	72	32	21	53	35	27	13	16	27	53	39	5	658
Сибирская	91	164	249	—	61	95	35	31	34	11	38	8	25	6	3	861
Казанская	21	52	124	23	61	20	38	5	65	17	79	73	59	204	63	904
Уфимская	63	9	430	55	67	53	207	95	41	10	26	3	56	5	48	1 168
Семипалатинская	128	7	244	8	38	134	98	73	54	8	79	110	167	—	31	1 179
Полтавская	—	2	66	—	—	6	35	67	—	596	21	659	54	8	29	1 543
Вологодская	266	37	389	—	156	103	200	83	184	90	96	11	70	—	44	1 729
Тульская	527	45	593	27	93	52	157	17	78	15	169	5	159	10	41	1 988

¹ Менее 100 чел. переселенцев за весь 24-летний период дали: Финляндия – 1, Псковская губ. – 1, Плоцкая – 2, Минская – 2, Ставропол[ская] – 2, Ярослав[ская] – 3, С.-Петербургская – 3, Кутаис[ская] – 3, Воынь[ская] – 3, Смолен[ская] – 5, Киев[ская] – 5, Подол[ская] – 6, Витебск[ая] – 6, Сувалк[ская] – 7, Радон[ская] – 9, Якутск[ая] – 9, Олонеч[ская] – 10, Забайкал[ская] обл. – 13, Екатеринбург[ская] – 17, Архангел[ская] – 17, Иркутск[ая] – 31, Тверск[ая] – 37, Калуж[ская] – 44, Донск[ая] обл. – 46 переселенцев. Кроме того в заимствованую нами из кн[ижи] Глосидина Чудновско-го (с «Переселенцкое» дело на Алтае», табл. А) графу «непричисленных к [18]84 г.» вошло 25 переселенцев из разных губ.: (Могилев[ской], Донской обл., Ставропол[ская], Гроднен[ская], Витебск[ой], Радон[ской], Архангел[ьской], Псков[ской] и Келец[кой]) и 115 оставш[ихся] нижн[их] и в общий итог 239 последних за [18]84 – [18]89 гг.

Уфимская, Семипалат[инская], Полтав[ская], Вологод[ская], Тул[ьская], Орлов[ская], Томск[ая], Оренб[ургская], Харьков[ская], Пензен[ская] и Самарская.

Наконец, в III гр[уппу] поместится 7 губ[ерний], давших свыше 10 т[ысяч] каждая: Вятск[ая], Рязан[ская], Пермск[ая], Воронеж[ская], Тобол[ьская], Курск[ая] и Тамбовская.

Первой группе принадлежит 2,1% всей массы переселенцев, второй – 20,5% и третьей – 74,1 %, почти две трети. Ядром переселенчес[кого] движения являются, следовательно, всего 7 губерний последней группы. Остановимся на них подробнее и выделим для наглядности в особую табличку:

[Губернии]	Пересел[енцы], причисл[енные] к [18]82 г.	% ко всем причисленным [18]82 г.	Непричисленные к [18]84 г.	% ко всем непричисленным	Пересел[енцы] за [18]84–[18]89 г.	% к общ[ему] числу за [18]84–[18]89 г.	ВСЕГО	% к общ[ей сумме] за 24 г[ода]
Тамбовская губ.	3 124	11,7	6 966	22,8	12 484	12,8	22 574	14,7
Курская	498	1,8	697	2,2	17 392	18	18 586	12,1
Тобольская	3 252	12,1	2 173	7,1	11 517	11,9	16 942	11
Воронежская	3 200	11,9	3 137	10	8 475	8,7	14 812	9,6
Пермская	3 245	12,1	1 890	6,1	9 581	9,9	14 716	9,5
Рязанская	698	2,6	5 477	17,8	7 760	7	13 934	9
Вятская	3 906	14,6	1 722	5,6	6 633	6,8	12 261	7,9
Всего за 1866–[18]89 г[г.]	1 7921	67,1	22 062	72,2	73 842	76,4	113 825	74,1

Преобладающее значение этой группы в переселениях на Алтай заметно увеличивается: в [18]82 г. переселенцы из рассматриваемых 7 губ[ерний] составляли 67,1% всех причисленных, а чрез $7\frac{1}{2}$ л[ет] их отношение к общей массе новоселов поднимается до 76 %. Очень резко и характерно изменяется роль отдельных губерний в пересел[енческом] движении. Открывают движение во главе других, восточные губернии – Вятская, Пермская и Тобольская, внутренние же – Воронежская и Тамбовская идут за ними, участие Курской ничтожно, а рязанских переселенцев до [18]78 г. среди причисленных совсем нет и очень еще немного в [18]82. Но уже через $1\frac{1}{2}$ г[ода], в огромной массе непричисленных, центральные русские губ[ернии] – Тамбовская и Рязанская занимают первые места, а три восточные отодвигаются на второй план и



только Курская г[уб.] отстаёт от них. Зато в грандиозном движении последнего шестилетия Курская губерн[ия] сразу опережает другие и в общем итоге выдвигается на второе место. Число рязанских переселенцев поднимается в последние годы гораздо тише и опять уступает место восточн[ым] губерниям. Из последних от внутренних не отстаёт только Тобольская, но она не может все же изменить общего вывода: по мере развития переселенч[еского] движения центр выселения переносится с востока в сердце России. Здесь действие причин, вызывающих переселения, сказывается сильнее и быстрее растёт, чем на окраинах.

Сибирь и Сред[няя] Азия участвовали в переселении на Алтай 11 губерн[иями] и областями. Из них одна Тобольская губ. давала ежегодно вначале сотни, а теперь тысячи новоселов. Тобольки составляют на Алтае почти $\frac{3}{4}$ (74,3%) всех сибирских и среднеазиатских переселенцев. Помимо немногочисленности, выходцы из других губерний и областей в большинстве не могут даже считаться местными старожилами, коренными сибиряками. Прежде чем окончательно осесть, значительная часть переселенцев из Евр[опейской] России долго бродят по Сибири в поисках «где лучше». Не раз, на длинном переселенческом пути, «самоходы» пытаются где-нибудь пристроиться, перечисляются на облюбованное место, но через 1–3 г[ода] снимаются и снова идут искать для себя «земли ханаанской». Официальная статистика относит таких переселенцев к губерниям, откуда они перечисляются *в данную минуту*, поэтому много российских выходцев фигурируют в качестве сибиряков. Таковы все переселенцы из Семипалат[инской], Акмол[инской], Сыр-Дарьин[ской], Семиреч[енской], Амурской и Приморской областей, где до сих пор нет собственного, сколько-ниб[удь] значительного, русского крестьянского населения, местные же инородцы на Алтай никогда не переселяются. Сюда же следует отнести большинство переселявшихся на Алтай из не алтайских округов Томской губ., а также из Енисейской губ. Вообще переселение коренных сибиряков в заметных размерах можно установить пока только для Тобольск[ой] губ. Отграниченный нами переселенческий район (23 губ[ернии]) включает почти целиком всю центральную земледельческую область (Тульская, Орлов[ская], Пензен[ская], Рязан[ская], Воронеж[ская], Курская и Тамбовская губ.), 3 губ[ернии] Нижнего Поволжья (Симбирская, Казан[ская] и Самарская), 3 черноземных малороссийских (Чернигов[ская], Полтав[ская] и Харьков[ская]), 9 губ[ерний] западной, северной и восточной окраин (Могилев[ская], Вологод[ская], Уфим[ская], Оренбург[ская], Вятская, Пермская, Тобол[ьская], Томс[кая] и Семипал[атинская]) и всего одну из средних промышленных – Нижегородскую. Кроме последней и разве ещё двух окраинных – Пермской и Вологодской – все губ[ернии] переселенческого района принадлежат, по основному фактору крестьянского хозяйства, к земледельческим,

с более или менее слабо развитою промышленностью. Наоборот, наиболее промышленные губерни[ии] дают самый ничтожный процент переселенцев: Московская – 141 чел., Тверская – 37, Ярославская – 3! В обществе и части печати нередко можно встретиться с объяснением переселенческого движения каким-то специально якобы присущим русскому народу «духом бродяжничества», склонностью к бесцельному шатанью по широкому раздолью родной земли и др[угим] тому подобным «качествам». Цифры переселенческой статистики говорят как раз обратное. Вдоль и поперек колесить Россию на отхожих промыслах непоседливое, по нужде, население сред[ней] промышленной области, но между переселенцами его почти незаметно. А уж где бы и выработаться «бродяжническому духу», как не здесь – в промышлен[ных] губерниях! Меж тем, «крепкие земле» домоседы-пахари, зачастую дальше своего уезд-н[ого] города и дороги-то незнающие, бросают дедовскую пашню и бредут десятками тысяч в неведомую даль. Очевидно, к новейшему переселенч[еско-му] движению нельзя приклеить затасканного ярлыка.

Причины переселения из Европ[ейской] России достаточно выяснены в трудах г[оспод] Григорьева («Переселение крестьян Рязанской губ.». М., [18]85 г.), Гурвича («Переселение крестьян в Сибирь». СПб., [18]89 г.), Чудновского («Переселенческое дело на Алтае». Ирк[утск], [18]89 г.) и в целом ряде журнальных статей, а потому мы не будем касаться этого вопроса. Странное, на первый взгляд, положение Тобольской губ. в числе давших наибольший процент переселенцев, разъясняется указанием г[осподина] Чудновского, что там «почти в третьей части (31,7%) волостей с коренным русским населением надел ниже той нормы, которая признается необходимой при существующей здесь системе хлебопашества» («Переселенч[еское] дело», стр. 52).

Распределение переселенцев по округам Алтая поражает неравномерностью. Последовательными цифровыми данными о расселении мы располагаем только по [18]84 г. За период 1866–[18]84 г[г.] переселенцы распределялись по округам таким образом:

[Показатель переселений]	Бийский	Барнаул[ьский]	Томский	Кузнецк[ий]	Итого
Причислено ревиз[ских] душ 1866–[18]77 г[г.]	4 460	2 942	150	427	7 979
» » » 1878–[18]83 г[г.]	5 296	3 449	725	257	9 727
Непричисленных к [18]84 г. (нал[ичных]. д[уш])	16 660	11 378	1 564	980	30 544
Число крестьянских волостей	24	20	5	9	58
Пространство округ[а] в тыс. кв. верст	164	114	30	86	–

До [18]84 г. в Бийский окр. селилось 55,1% всех причисленных, в Барнаул[ьский] – 36,1%, в Томский – 4,9% и в Кузнецкий – 3,8. Так же почти распределялись и непричисленные: в Бийском окр. – 54,5%, а в Барнаул[ьском] – 37,2%.



Такое отношение между округами по числу новоселов оставалось почти без колебаний на протяжении целых 18 л[ет]. Совсем иное мы находим чрез три года: из перечислившихся в [18]87 г. 3 056 рев[изских] душ, в Барнаул[ьском] окр. поселилось 1 676 д[уш], или 54,9%, в Бийский – 1 073, или 35,1%, Кузнецкий – 246 д[уш] – 8% и Томский (алт[айские] вол[ости]) – 61 д[уша], или только 1,9%. В следующем году новый порядок расселения сказался еще резче: в Барн[аульском] окр. осело 61,4% новоселов (11 082 чел. из 18 031), в Бийском – 34,1% (6 157), Кузн[ецком] – 3,2% (585) и Томск[ом] – 1,1% (207). Этот крутой поворот в направлении переселенческого потока вызван относительным переполнением Бийского и Томского окр. Первоначального порядка расселения величиной округов объяснять нельзя: в Бийском до [18]84 г. на 1 вол[ость], в среднем приходилось по 406,5 рев[изских] д[уш] причислен[ных] и 694,2 нал[ичных] д[уш] неприч[исленных], в Барнаул[ьском] – по 319,5 первых и 568,9 вторых, в Томском же и Кузнец[ком] окр. обратное отношение числа новоселов к пространству окр[уга] видно с первого взгляда. Эта неравномерность заселения коренилась отчасти в различиях естествен[ных] условий округов, а отчасти в самом характере перес[еленческого] движения.

О распределении новоселов по волостям Алтая мы имеем сведения только до июля [18]82 г. К этому времени 35 900 причисленных и непричисленных расселилось по 57 волостям таким образом¹:

[Распределение новоселов]	Число волостей	Число переселен[ных] в них:	В средн[ем] на вол[ость] переселенц[ев]
От 1 до 100 ч[ел.] на волость	17	619	38,6
» 100 » 500 »	22	4 684	212
» 500 » 1000 »	7	4 993	713, 2
Свыше 1000 »	11	25 661	2 332,8

Наиболее заселенные волости идут в таком порядке: *Барнаульск[ий]* окр.: в Касмалинской вол. – 1 024 перес[еленца], Шадринской – 1 163,

¹ В 1 груп[пу] вошли волости: *Барнаульского* окр. – Бобровская, Малышевская и Локтевская; *Бийского* окр[уга] – Владимир[ская], В[ерх]-Бухтармин[ская], Колыван[ская], Н[ово]-Алейск[ая], Риддер[ская] и Усть-Каменогор[ская]; *Кузнецкого* окр. – В[ерх]-Томск[ая], Касьмин[ская] и Мунгатская. В эту же группу входят 5 горнозавод[ских] волостей – Павлов[ская], Сузун[ская], Змеиногор[ская], Зырянов[ская] и Салаирская, куда с 1879 г. прекращено, за малоземелием, причисление переселенцев. Вторую группу составляют вол[ости]: *Барнаульско[го]* окр. – Бердск[ая], Боровлян[ская], Кулундин[ская], Лянин[ская], Н[ово]-Кулунд[инская], Николаевс[кая], Тальм[енская]; *Бийского* окр. – Алейск[ая], Барнаул[ьская], Бухтармин[ская], Локтев[ская], Нарым[ская], Чарыш[ская]; *Томского* окр. – Кайлин[ская], Кривошеин[ская], Ояшинск[ая], Тугал[ьская], Чаусская; *Кузнецкого* окр. – Бачатск[ая], Ильинская, Кузнецкая и Тарсминская. Третья группа *Барнаульско[го]* окр. – Карасук[ская], Ордин[ская], Чингин[ская] и Чумыш[ская]; *Бийско-го* окр. – Ануйская и Убинская; *Кузнецк[ого]* окр. – Уксунайская. Четвертая груп[па] – в тексте.

Белоярской – 1 245, Верх-Чумышской – 1 480; *Бийского* окр.: в Сростинской – 1 557, Енисейской – 2 178, Нижне-Чарышской – 2 647, Смоленской – 913, Алтайской – 3 867 и Бийской – 5 904. Эти цифры в настоящее время утеряли, конечно, уже всякое значение для определения числа новоселов по волостям и могут служить лишь в качестве общей картины расселения переселенцев по Алтаю. И так по волостям новоселы распределены еще менее равномерно, чем по округам. Это зависит, конечно, от различий между волостями, в качестве почвы и характере местности: в гористые, напр., волости Кузнецкого и Бийского окр. переселенцы идут очень редко и неохотно. Большую роль в выборе места новоселам играет также близость города: в Барнаул[ьском] и Бийском окр. наиболее заселены пригородные волости, хотя они и уступают другим и по обилию и по качеству земель.

Отметим мимоходом не лишенный характерности факт. Из 883 курских переселенцев (до июля [18]82 г., кроме городских) 522, или 59%, сгруппировались в одной волости, Бурлинской, где они и составляют преобладающий элемент – 31% всех переселенцев. Из 1 032 ч[ел.] тульских – 625, или 60,6% в одной Верхне-Чумышской вол. и также составляют здесь большинство – 42%. Все курыне Бурлинской волости вышли только из двух уездов – Щигровского и Старооскольского; все туляки в В[ерхне]-Чумыш[ской] в[ол.] – из Богородского и Епифан[овского] у[ездов]. На этих примерах уже заметна характерная черта переселенч[еского] движения: на «новых местах» переселенцы жмутся к толпе «своих», сбиваются в одну кучу. Оторвавшись от привычной обстановки, россияне первое время как будто теряется, слепо идет за большинством, а в одиночку чувствует себя неловко. Этот массовый стихийный характер движения лучше всего выступает при сравнении россиян из внутренних губ[ерний] с переселенцами с окраин, северной и восточной:

[Губерния]	Общ[ее] число пер[еселенцев] в [18]82 г. (без городов)	На сколько волост[ей] расселил[ись]	В сред[нем] на 1 вол[ость] человек	Maximum переселенцев в волости
Вологодская губ.	459	28	16,3	67 (Смоленск[ая] в[ол.])
Оренбургская	1 281	25	51,2	262 (Бурлинская)
Вятская	2 785	43	64,7	394 (Чарышская)
Тобольская	3 771	50	75,4	617 (Бийская)
Пермская	3 953	49	80,6	419 (Бийская)
Рязанская	4 254	25	170	1 891 (Бийская)
Воронежская	4 896	28	174	1 180 (Н[ижне]-Чарыш[ская])
Тамбовская	5 721	32	175,6	1 224 (Алтайская)



Выводы этого сопоставления так резки и наглядны, что устраняют всякое сомнение в существовании и значении подмеченной черты. В то время, как 12 249 переселенцев окраинной группы (Вологодской, Оренбург[ской], Вятской, Тобол[ьской] и Пермской губ.) расселились почти по всему Алтаю, 14 871 переселенец центральной группы (Рязан[ской], Воронеж[ской] и Тамбов[ской] губ.) столпились на вдвое почти меньшем пространстве тех волостей, куда попали первые выходцы их губерний. В первой группе гуще всех расселились пермяки – по 80 чел. на вол[ость], а наименее сгуженные из второй группы, рязанцы, разместились по 170 чел., т.е. с лишком вдвое гуще. Наконец, наибольшее скопление переселенцев по отдельным волостям в окраинной группе достигает только 617 чел. (тоболяки в Бийской в[ол.]), в центральной же – 1 891 ч[ел.] (рязанцы в Бийской же), т.е. с лишком втрое более. Вполне очевидно, что в крестьянстве окраин способность действовать в одиночку, на свой риск и страх, развита сильнее, чем во внутренней области; у коренного «россиянина» центральных губ[ерний] самостоятельность, индивидуальность пригнута уже довольно низко. Только последним и можно объяснить некоторые факты переселенческого движения.

В пределах волости переселенцы селятся или по деревням старожилов или на новые участки, отводимые под заселение из свободных земель Главн[ым] Алт[айским] управлением. До конца [18]70-х и даже в начале [18]80-х гг. большинство сельских обществ принимали переселенцев охотно и если все-таки брали за приемный приговор, то плата обыкновенно ограничивалась ведром водки и редко 5–10 руб. с ревиз[ской] души. Свободной земли у деревень было много, при большой запашке многие не успевали убирать хлеба своей семьей, а рабочие руки дороги: каждый занят своим хозяйством. При таких условиях, нуждающийся переселенец, исконный пахарь, был находкой, кладом для богатого сибиряка. За небольшую сравнительно плату – чаще из доли урожая – он распахивал для старожила целину, сеял, косил, жал, и все это делал так умело, как алтайский крестьянин до того и не видывал. Даже и ныне некоторые общества старожилов, делая выбор между переселенцами, ищущими у них пристанища, предпочитают бедных переселенцев богатым. Локтевское вол[остное] прав[ление] в 1888 г. пишет: «Старожилы принимают на постоянное жительство лишь тех переселенцев, которые по своим скудным средствам не могут устроиться хозяйством и составляют необходимые рабочие руки во время сенокоса и уборки хлеба». Но с наплывом россиян нужда в рабочих руках все уменьшается, а взамен выступает обратная сторона переселения: теснота в угодьях, и отсюда споры, дразги; рост платежей на обществе, недоимки за новоселами и пр. Обе стороны начинают внимательнее вглядываться во

взаимное положение, выступают на сцену неясные вначале обоюдные черты, и отношения круто меняются.

В настоящее время вряд ли какое сельское общество на Алтае примет в свой состав новосела бесплатно. Обыкновенно, переселенцы платят обществу за приемный приговор от 15 до 75, в некоторых случаях – до 100 руб. с ревиз[ской] души, кроме обычного ведра водки на «угощенье» обществу. Получить приемный приговор с каждым годом все труднее: многие общества совсем перестали принимать новоселов, другие все повышают высокую уже приемную плату. Беспорядочность поземельного устройства и подушная система податей на Алтае (подробнее об этих сторонах см[отри] в ст[атье] «Землевладение», стр. 28 и 38) являются, конечно, *главной* причиной обострения отношений сибиряка с переселенцем, но не единственной. Некоторые, напр., общества Чарышской и Барнаульской вол. Бийского окр. порешили не принимать «рассейцев», несмотря на то, что в поселенных гранях у них еще не менее 80 и 100 дес. на рев[изскую] душу. Помимо враждебности, коренящейся в характере поземельных отношений, между коренным сибиряком и переселенцем лежит много культурных различий – в привычках, потребностях и традициях, в ведении хозяйства, а отсюда взаимное непонимание, нередко презрение и всегда холодность в обоюдных отношениях. Культурные особенности переселенцев и старожилов очень рельефно рисуются в отзывах волостных правлений. В большинстве этих отзывов переселенец выставляется как наиболее трудолюбивый, умелый, отзывчивый и даже набожный, чем сибиряк-старожил. Локтевское вол[остное] прав[ление] в 1888 г. говорит: «трудолюбие, умение и способность переселенцев способствует скорому восстановлению хозяйства, а неспособность и беспечность к труду старожилов несколько не ставит их на степень развития своего хозяйства или какой-нибудь промышленности». Николаевское вол[остное] правление пишет: «православные переселенцы разнятся от старожилов тем, что более религиозны и часто посещают церкви, менее проводят время в праздности, и даже во многие праздники после бытности при богослужениях принимаются за работы». То же говорит Ануйское вол[остное] правл[ение]: «переселенцы от старожилов отличаются тем, что более умело ведут свое хозяйство, выказывая сильнее трудолюбие к таковому».

Взаимная рознь сказывается как в общественных, так и в частных отношениях. Мы уже говорили, что многие общества не принимают новоселов, несмотря на многоземелье. Мотивируют это, обыкновенно, тем, что посторонний элемент нарушает однородность общества и ведет к раздорам: «Согласья от них нет на миру: бунтуются, смутянят. Сам знаешь: рассея, так рассея и есть!» Выборы новоселов на общ[ественные] должности очень



редки даже там, где они составляют половину или большинство общества; чаще их выбирают на такие места, где разрешается наем за себя, для отбывания повинности, другого: в дерев[енские] десятники, вол[остные] сотники, сторожа хлебных магазинов и т.п. В Бийской вол. Бийск[ого] окр., где переселенцы составляют большинство, в начале [18]80[–х] гг. переселенец попал в волостные старшины. Старожилы были недовольны уже самым фактом выбора переселенца, но еще более вооружил он своими распорядами. «Рассеец» начал с «образования» невежественных сибиряков: прежде всего, запретил являться на сходы в рубахах, без зипунов, шапок и сапог, словом «по-домашнему», что летом случалось не редко. Тем же духом дисциплины и порядка отличались и прочие «реформы» нового старшины. Сибирякам это не нравилось, а россияне злорадно похваливали своего ставленника.

Повсюду сибиряки и новоселы составляют два заметно особенные мира в одном обществе. В каждом более тесные личные связи и отношения держатся только меж своими и смешение встречается не часто. Во многих деревнях обе половины отличаются даже местом поселения: старожилы живут в одной стороне, новоселы строятся на другую. Мы знаем села, где новоселы, не довольствуются общей церковью, строят «свою», новую, как в с. Калманке, Шадрин[ской] вол. Браки заключаются тоже в своей среде, смешанные не часты и редко удачны: слишком много различий во всех привычках и мелочах будничного обихода для совместной жизни в согласии. В сиб[ирской] деревне фактическое расторжение брака и отдельная жизнь супругов вообще не редкость, но всего чаще это бывает именно при смешанных браках.

На наших глазах был такой случай. Проживший на Алтае в рабочих 12 лет оренбуржец не решился женить сына, тоже рабочего, на очень выгодной невесте, хотя отец-тамбовец давал зятю полное хозяйство, с избой, скотом и инвентарем. «Хорошо живут и девка добрая, да станут смеяться, что с россияном породнился: мать-то все еще по-росейски говорит¹, испугался старик и выбрал сыну гораздо менее зажиточную невесту – сибирячку. Надо заметить, что оренбуржцы считаются больше сибиряками, чем россиянами, и старожилы относятся к ним лучше, чем к последним. Та же разница особенно заметна на отношениях к тоболякам: их легко принимают даже те общества, куда настоящим россиянам совсем нет доступа. Еще случай. В с. Чистюньке, Барн[аульской] вол., вновь приписавшийся новосел облюбовал место под усадьбу, но сельский староста и общественники категорически объявили ему: «нет, друг, ты поищи себе иного места, а это не по тебе: и сибиряку годится!»

Приведенные факты могут показаться единичными, но вот к ним отзывы некоторых вол[остных] правлений (за [18]87 г.). Чингинское вол[остное]

¹ Т.е. с местным российским выговором, семья (невесты) жила в Сибири уже 10 лет.



правление пишет, что «отношения в большинстве случаев плохие, в чем виноваты сами же переселенцы, которые во всем несогласны со старожилами, как в общественных, так и в частных делах, по-видимому, из-за нежелания подчиняться местным обычаям». По словам Енис[ейского] в[олостного] прав[ления] Бийск[ого] окр., «в тех селениях, где преобладает переселенч[еский] элемент, старожила и переселенцы делятся в общественной жизни на 2 партии и обсуждают дела каждая по своим взглядам и убеждениям». Тальмен[ское] вол[остное] правлен[ие] пишет: «отношения весьма дружелюбны. В дипломатическом (!) же отношении по части ходоатайств об общественных нуждах преимущество является уже на стороне старожила, а потому (?) *голос переселенца на сельских сходах не имеет такого значения, как голос старожила*». В Змеиногорской вол. старожила «относятся к переселенцам крайне недружелюбно». В Боровлян[ской] вол., наоборот, «старожила относятся дружелюбно и охотно принимают на заработки, новоселы же не особенно доверчивы к сибирякам, относятся отчасти как бы к лицам ниже их по совести и чести и к образу действий их относятся как бы критически», – выражается вол[остное] правление. Не менее оригинально передает взгляд сибиряка на россиянина Кривошековское вол[остное] правление: «старожила к переселенцам относятся без особых симпатий или антипатий и принимают в свою среду неохотно; причина тому та, что переселенцы народ бедный и на первых порах не столько способный к хозяйству по местным условиям и, будучи приучены к известному порядку хозяйства и земледелия, но, оторвавшись от этого своего места и гнезда, привык переходить с одного места на другое и подыскивать подходящее к его способностям и привычкам и отвечающее воспитанным в нем нравственным и сердечным его воззрениям, а потому неустойчивый в оседлости и не совсем надежный член общества по платежу податей и отбыванию разных повинностей; к тому же, занимаясь в прежнем месте крестьянским хозяйством сравнительно в тесных рамках и привыкну поэтому себе оспаривать и отстаивать самые мелкие вещи – и здесь он является сравнительно более склонным к спорам и тяжбам, а поэтому и слишком мелочным в глазах старожилов, привыкших к более обширному хозяйству. Такой народ, на взгляд старожилов, кажется вздорным и в частной жизни и в общественной, тем еще более, что он приносит с собой рассказы о[бо] всем более и лучше устроенном на прежнем месте, но ничем, ни вывезенным им, ни своими способностями не оправдывает таких рассказов». А Нижне-Чарышское в[олостное] прав[ление], между прочим, говорит: «новых порядков в общественной жизни переселенцы не завели, кроме разве неуважения чужой собственности, проявляя это захватом земли у соседних селений или друг у друга и окончания общественных дел, а также и



частных сделок выпивкой вина, чего между старожилами ранее не было». Во всех этих отзывах сквозь собственные писарские рассуждения рельефно рисуется характер взаимных отношений. Но такие ответы дали немногие волости, а большинство (свыше 20-ти) на вопрос «дружелюбно ли относятся старожилы к переселенцам», ограничились канцелярской отпиской – «дружелюбно». Справедливость такой оценки отзывов большинства волостей нетрудно доказать примерами. Так, Н[ово]–Чарышское вол[остное] пр[авление] пишет: «в отношениях ничего враждебного не замечается», а в д. Быстрый Исток этой волости, борьба новоселов с сибиряками закончилась поголовным выселением последних из своей деревни, под напором переселенческого большинства. Наконец, и Алтайское вол[остное] прав[ление] уверяет, что сибиряки «относятся хорошо» к переселенцам, а между тем и г[осподин] Чудновский и Том[ский] губ[ернский] стат[истический] комитет¹ говорят, что именно здесь отношения сторон обострились до публичного избиения новоселов, ломки у них печей, построек и т.п.

При таких условиях вполне понятно возрастающее стремление селиться на новые участки. Для перечисления сюда требуется разрешение только от Главного управления, а оно дается всем, кто имеет (по ст[атье] 130 Общ[его] положения о крестьянах) право на увольнение из своего общества. За последние 6 лет переселенческая масса так распределялась между старыми селениями и новыми участками: погодно оседало

[Дата]	В обществах старожилов	На новых участках
В 1884 г.	10 263	1 838
» 1885 г.	10 244	6 646
» 1886 г.	9 341	6 941
» 1887 г.	9 174	6 647
» 1888 г.	8 490	9 541
» 1889 г.	7 576	9 680

Очевидно, отношение между этими двумя группами переселенцев постепенно изменяется в обратную сторону. В [18]84 г. селившиеся на нов[ых] участках составляли всего 16,1% общего числа переселенцев, а через 5 лет уже 56%!

До [18]83 г. правильного отвода из свободных кабинетских земель новых участков под заселение не было; он организован только с назначением начальником земельной части Глав[ного] Алт[айского] управления покойного А.А. Ваганова, который сделал все, что от него зависело, для правильной постановки переселенческого дела на месте. До него переселе-

¹ «Памятная кн[ижка] Том[ской] г[убернии] на 1884 г.», стр. 21.



нец сам должен был отыскать из свободных земель подходящий участок и потом хлопотать, иногда подолгу, об отводе его. Свободный выбор меж незанятыми землями предоставляется переселенцам и теперь, а процедура отвода участков упрощена. Но кроме того, Земельная часть Главн[ого] Алт[айского] управ[ления] ежегодно сама подготавливает, намечает и обмежевыывает под заселение несколько новых участков. При этом межевщиками Зем[ельной] части делается определение удобств участка для поселения, качества угодий, характера местности и т.п. Количеством удобной земли в участке определяется число душ, какое он может вместить, считая по 15-ти, а с лета 1890 г. – по 18-ти дес. на налич[ную] мужскую душу. Списки этих участков, с указанием их размеров, числа перечислившихся и могущих еще поселиться на каждом и краткими характеристиками почвы и местности, ежегодно печатаются для раздачи всем обращающимся в Зем[ельную] часть за справками. Таким образом, переселенец может выбрать любой из участков, руководствуясь списком, или предварительно осмотрев их лично. Причисление переселенцев на новый участок прекращается, как только набралось число новоселов, определяемое нормой надела. Заселки, с населением не менее 40 домохозяев, образуют особые сельские общества, но права на прием нов[ых] членов при этом не получают.

В первый год ([18]83) правильного отвода участков их намежевано 4, в [18]84 г. – 8, в [18]85 – 16, в [18]86 – 20, в [18]87 и [18]88 гг. – 14 и в [18]89 г. – 7; всего отведено с [18]83 по [18]90 г. 69 нов[ых] участков с 500–600 тыс. дес. удобной земли при них: в 27 уч[астках] в Барнаул[ьском] окр., 25 – в Бийском, 14 – в Кузнецком и 3 – в Томском. Из них 33 уч[астка] к лету [18]90 г. не были вполне заселены и могли вместить 15 201 д[ушу] м[уж.] п[ола]. В 1889 г. под заселение предоставлялся 31 уч[асток] для 14 тыс. д[уш] м[уж.] п[ола], перечислилось же в этом году на Алтай 17 206 д[уш] об[оего] п[ола], так что свободного места в новых заселках хватило бы с избытком на всех новоселов. И, однако, 44 % переселенцев этого года предпочло приписаться в общества старожилов, с немалыми расходами за прием. Этот странный, на первый взгляд, выбор имеет за себя много оснований. Первые засельщики Алтая выбирали для себя, разумеется, лучшие места и, вполне естественно, что новые заселки далеко не представляют тех хозяйственных удобств, как старые селения. Знакомый нам переселенец осмотрел в [18]85 г. 14 участков и в конце концов поселился к старожилам, где с него запросили за прием 100 р. (за 2 муж. д[уши]). На новых участках он повсюду встретил недостаток в угодьях: в одних нет лесу даже на дрова, другие бедны сенокосами, у третьих вода скверная стоячая. Кроме того, пореформенная Россия воспитала уже в переселенце некоторые потребности, какие в Сибири могут быть удовлетворены только в дерев[енских]



центрах – волостных селах. Церковь, школа и почта так необходимы для россиянина, что ради них он переплачивает не один десяток руб[лей] за прием в волостное село или поближе к нему.

Для значительной доли переселенцев самым существенным преимуществом старой деревни перед заселком надо считать возможность иметь среди старожилов более или менее постоянную работу по найму.

Из 1 087 опрошенных г[осподином] Чудновским переселенцев, 46% имели при отправке из дому менее 150 руб. Стоимость дороги на лошадях г[осподин] Чудновский определяет в 45–50 руб., а г[осподин] Григорьев (из Рязан[ской] губер[нии]) – в 70–75 руб. на повозку; пароходный же путь, по расчету обоих, обходится не менее 150 руб. на семью. За последние годы большинство едет по железной дороге и на пароходах, а потому не будет ошибкой принять стоимость путевых издержек на семью в 4–5 чел. minimum в 100 р. Следовательно, на место 46% должны приносить менее 50 р. Действительно, по опросу г[осподина] Чудновского из 750 семей эту сумму принесли именно 46%. Из переселенцев же [18]88 г. в Томскую губ., имевшие в Томске 50 р., составляют, по отчету перес[еленческого] чин[овника] г[осподина] Чарушина за [18]88 г., целых 73,3% всех семей (2 825 ч[еловек]), прошедших чрез Томск.

Очевидно, многие из новоселов не могут и думать на первых порах о самостоятельном хозяйстве. Стоимость домообзаводства на Алтае г[осподин] Чудновский определяет в 250–350 р.; возьмем хозяйство меньшего размера, но и оно обойдется, глядя по местности, не менее 200–250 рублей.

Дом	100–150 р.
3 лошади ¹	45–60 »
Корова	15 »
Мелкий скот, инвентарь и пр.	30 »
Итого	290–250 ² »

По данным г[осподина] Чудновского такую сумму приносят с собой не менее 30%, а по сведениям г[осподина] Чарушина – не более 10% переселенцев³. Отзывы волостн[ых] правлений вполне подтверждают эти цифровые данные. Каждое вол[остное] правление, говоря о переселенцах, непременно добавляет, что «переселяются большею частью люди бедные, у

¹ Алтайская почва требует для вспашки «мякоти» (паханой земли) сохой не менее 3-х лошадей, а для подъема «залогов» (целины) плугом – 6 лош[адей].

² Ошибка в подсчете итоговой цифры. (Ред.)

³ Разница произошла, вероятно, потому, что г[осподин] Чарушин имел дело почти исключительно с прибывшими на пароходах выходцами из Евр[опейской] России, а среди опрошенных г[осподином] Чудновским много тоболяков, которым дорога до Алтая обходится в несколько раз дешевле.

которых и на родине хозяйство пришло в упадок». Некоторые из волостных правлений, говоря о средствах вновь являющихся переселенцев, подмечают разницу по месту выхода их. Верх-Томское вол[остное] правление в 1888 г. пишет: «Из губерний ближе к северу Вологодской и Пермской (уезд[ов] Усть-Сысольский, Соликамский, Чердынский и др.) переселенцы являются большею частию бедняками, из губерний южнее и западнее переселенцы являются зажиточными, но до хозяйства старожилов еще не уполномочились. Явившиеся переселенцы из упомянутых губ[ерний], в том числе и Вятской, устраиваются скорее юг[о]-западные – от своего состояния, а медленнее – северные, от трудов своих». То же различие в состоятельности переселенцев подмечает и Уксунайское, Локтевское и др. вол[остные] правл[ения]. Многим из переселенцев, следовательно, на новых местах прежде всего приходится искать заработка по найму, идти в работники к богатым хозяевам. На новых заселках найти работы почти совсем нельзя – там у всех хозяйство лишь в зародыше – отпускать же работника на сторону, верст за 20–30 в богатую сибир[скую] деревню, могут лишь немногие, многодушные семьи. Понятно, что поселившись, ради бесплатного приема, на нов[ом] участке, бедняки скоро должны горько разочароваться. Вот, напр., как рисует г[осподин] Чарушин (в отчете за [18]88 год) первые годы нов[ого] заселка: «По сведениям, относящимся к [18]86 г., из 102 дворов переселенцев Пензен[ской], Тамбов[ской], Перм[ской] и др. губерний, водворившихся в [18]84–[18]85 гг. в зас[елке] Новогорьевском, Локтевской вол. Бийского окр., 42 двора, по прибытию в Томск[ую] губ., совсем не занимались собственным хозяйством в продолжении $\frac{1}{2}$ – 2 лет, проживая в разных селениях губернии и существуя заработками у местных крестьян. Другая категория домохозяев, числом 26, выехавших с родины на собств[енных] подводах и с капиталом от 100 до 200 р. на семью, хотя и приступили по прибытии в губернию к обработке полей, но эта обработка ограничилась самыми ничтожными размерами, выразившимися в аренде крестьянских земель под сенокос или пашню в размере от $\frac{1}{2}$ до 2 дес. Притом 22 семьи из них также не могли обойтись без отдачи работников в наем». Немудрено, что при таких условиях за новыми заселками быстро накапливаются огромные, сравнительно, недоимки. Так, в з[аселке] Новачихе¹ (осн[ованном] в [18]85 г.) Касмал[инской] вол. Барн[аульского] окр. в [18]87 г. недоимки составляли 3 руб. 8 к. на двор, в з[аселке] Малышевом Логе (осн[ован] в [18]85 г.), той же вол[ости] – по 8 руб. 94 коп., тогда как по всей волости, исключая эти 2 зас[елка], на двор приходилось только 93 к. В зас[елке] Березовке (осн[ован] в [18]85 г.) Чарыш[ской] в[ол.] Бийск[ого] окр. было 7 р. 52 к. недоимки на двор, а по волости (исключая Березовку) –

¹ Следует читать Новичиха. (Ред.)



72 к. Наконец, в дер. Брусенцовой (осн[ована] в [18]83 г.), Барн[аульской] вол. Бийс[кого] окр., недоимка составляла (при 213 дв[орах]) чуть не $\frac{3}{4}$ (71,6 %) всей волостной; на двор падало в Брусенцовой 23 р., а по волости – 92 к. Эти примеры взяты случайно, в других заселках происходит приблизительно то же; для правильной оценки размера этих недоимок не надо забывать, что они накоплены всего в 2–4 года. Значительной части, а где и большинству, податей платить еще нечем и на заселках растут недоимки, за которые при круговой поруке, отвечает все общество. Это породило, местами, бегство с нов[ых] заселков более состоятельных переселенцев. Так, ныне с зас[елка] Воскресенского, Верхотом[ской] в[ол.] Кузнец[кого] окр., собираются уходить к старожилам Касмалин[ской] вол. Барн[аульского] окр. 7 семей мордвин Казан[ской] губ., проживших предварительно 20 л[ет] в Тобол[ьской] губ. Эти семьи сами выбрали и выхлопотали отвод участка под Воскресен[ский] зас[елок], успели уже обзавестись на нем хозяйством, а теперь бегут от бесхозяйных. «Набилось народу больше 200 дв[оров], и все почти беднота – ни избы, ни скота, живут в землянках; в подать их класть нельзя – взять-то с него нечего – а самим платить за них тяжело», – жалуются они. Если в др[угих] зас[елках] зажиточным и не так плохо, то бесхозяйным здесь везде гораздо труднее встать на ноги, чем среди старожилов.

Плата годовому работнику на Алтае, обыкновенно, колеблется между 35–65 руб., поденщина летом – 30–40 к., в страду поднимается до 60–70, а зимой ее и найти трудно¹. На такие заработки новоселу приходится содержать семью, обзаводиться хозяйством и сколачивать приемную плату. Последняя, смотря по местности и по величине семьи, колеблется от 25 до 150, и даже более, рублей. Очевидно, только сильная, многодушная семья может устроиться самостоятельно года в 2–3, середняки же бьются на чужой работе лет 5–7. Впрочем, большинство волост[ных] правлений отзывается, что переселенцы устраиваются «по большей части хорошо и скоро – года в 2–3, только крайние бедняки вполне обзаводятся хозяйством чрез 5–6 лет». О способности и умении ориентироваться и устроиться на новых местах волостные правления в 1888–[188]9 гг. дают богатый материал. Косихинское вол[остное] правление, например, сообщает: «Из числа переселенцев скорее обзаводятся хозяйством из Пермской и Вятской губ., потому что из них более есть зажиточные ремесленники – плотники, кузнецы, шубники, скорняки». К вятчан и пермякам Логостаевское прав[ление] присоединяет и тамбовцев, отличающихся зажиточностью и трудолюбием. То же говорит Локтевское, Николаевское, Ояшинское и многие другие правления. В Чингинской волости расселились преимущественно рязанцы и тамбовцы, из которых также

¹ Подр[обно] таблицу рабоч[их] цен за [18]87 г. см[отри] в ст[атье] «Земледелие», стр. 82.



по мнению волост[ного] правления, тамбовцы резко отличаются от рязанцев своею зажиточностью и скорее последних устраиваются. Уксунайское вол[остное] правление, говоря о выходцах северных и южных губерний России, замечает, что вятчи и пермяки «больше предпочитают селиться на новые места и ближе к черновым лесам. Причину переселенцы объясняют следующую: во 1) привычку жить вблизи леса, а во 2) охоту к пчеловодству. Переселенцы других губерний, как то: рязанцы, тамбовцы, черниговцы, полтавцы, воронежцы, самарцы, уфимцы, пензенцы предпочитают селиться среди старожилов, в селениях, расположенных в степи. К этому влечет их страсть к хлебопашеству и скотоводству». Это же волост[ное] правление подметило, что «скорее других устраиваются полным хозяйством черниговцы, полтавцы и рязанцы вследствие большого трудолюбия и зажиточности; а ремесленников больше всего из Вятской и Пермской губ.». Условия водворения на Алтае выразились появлением огромной группы «непричисленных» переселенцев. Проживание, до перечисления на место переселения, по паспорту с родины – переходный, временный фазис в мытарствах почти каждого переселенца, но для многих, если не для большинства, он затягивается на несколько лет. «Много переселенцев, – пишет Чарышское волостное правление, – живет без причисления; причиной тому служит, главным образом, требование общества денег в большем размере за приемные приговора». В половине 1882 г. непричисленных было 17 942 чел. (50,1% всех переселенцев), живших по волостям Алтая), а к янв[арю] [18]84 г. – уже 30 544 чел. По отчетам волост[ных] правлений непричисленных в 1888 г. было 6 010 семей с 31 219 д[ушами] об[оего] п[ола], а к началу 1890 г. – уже 7 115 сем[ей] с 34 855 д[ушами] об[оего] п[ола]. Положение непричисленного переселенца в чужом обществе очень непрочное и неопределенно, в буквальном смысле – беспочвенно. До получения приемного приговора, он ни юридически, ни фактически не входит в состав крестьянского общества деревни, где поселился, и без согласия старожилов не может даже лошади пустить на деревенский выгон. Без мирского согласия никто не посмеет сдать непричисленному ни клочка из своей пашни или сенокоса, ни за какую плату.

А мир смотрит на непричисленных особенно подозрительно и неприязненно; большая часть столкновений бывает у старожилов именно с этой группой новоселов. Пока непричисленные переселенцы ютятся по квартирам и живут бесхозяйными батраками, их терпят, им даже рады, как дешевым и хорошим работникам. Но собственная запашка, а особенно покупка избы непричисленным, в глазах старожилов являются уже покушением на дешевое или бесплатное завладение их собственностью. За пользование мирскими угодьями непричисленные облагаются платежом, в лучших и редких случаях, равным казенным и мирским сборам, с надбавкой стоимос-



ти натуральных повинностей, чаще гораздо большим. Нередко переселенец на первые скопленные гроши покупает избенку, в надежде, что теперь общество волей-неволей должно будет принять его в члены за сходную плату. На деле выходит обратное: затратив все деньги, переселенец привязан теперь к месту и старожилы пользуются этим. Они поднимают плату за прием и пускают все средства, чтобы вынудить [платить] ее или выжить от себя новосела. Его облагают непомерным платежом за пользование угодьями, а то и совсем не дают их – не допускают в купленной усадьбе новых построек, иногда ломают и старые, снимают крыши и двери у изб, разбирают печи. Подобные случаи не единичны; о них говорят и официал[ьные] учрежд[ения]¹ и специальный исследователь переселения на Алтай, г[осподин] Чудновский. Ввиду таких фактов, Алт[айское] Главн[ое] управление, в раздаваемых переселенцам правилах «о порядке водворения в Алтайском горн[ом] округе», и считает нужным предупредить переселенцев, чтобы до получения приемных приговоров они воздержались от покупки строений и прочего домообзаводства. Правда, резкие проявления антагонизма между непричисленными переселенцами и местным крестьянством встречаются как обычный факт, только в наиболее переполненных волостях, но самый антагонизм сторон, непрочность и полная необеспеченность в положении переселенца вплоть до получения приемного приговора – явление на Алтае повсеместное. Волост[ные] правления вообще избегают указаний на притеснения новоселов, но вот что пишет, напр., Н[ово]-Чарышское: «Обложение непричисленных переселенцев денежным сбором за землю в пользу общества часто временно порождает споры с той и другой стороны». Причиной споров является, конечно, не самое обложение, а его размеры².

Правильных и полных исследований экономич[еского] положения новоселов на всем пространстве Алтая до сих пор еще не делалось ни местными учреждениями, ни частными лицами. Покойный начальник земел[ьной] части Алтайск[ого] управления А.А. Ваганов в 1886 г. обследовал 13 новых заселков, но данные этой экспедиции до сих пор не опубликованы. Что касается г[осподина] Чудновского, то его главные выводы основаны на опросе нескольких (6–7) сот домохозяев – число, конечно, слишком недостаточное для характеристики всей массы новоселов на Алтае. Приведем, однако, за отсутствием более обстоятельного материала, некоторые из данных

¹ Томск[ий] губ[ернский] статист[ический] комитет в «Памятн[ой] книжке на [18]85 г.», стр. 21.

² Одной из ст[атей] закона о переселениях 13 июля 1889 г. установлено причисление администрации переселенцев к обществам старожилов без согласия последних, но на Алтай, как владение Кабинета Е[го] И[мператорского] В[еличества], действие этого закона не распространяется. Теперь Главн[ое] Алт[айское] управл[ение] возбудило ходатайство о единовременном применении этой ст[атьи] нового закона исключительно к тем из непричисленных переселенцев, которые в настоящее время обзавелись уже домами и хозяйством на Алтае.

г[осподина] Чудновского, сопоставив их с[о] средними по Алт[айскому] окр., цифрами лошадности и посевов¹:

[Показатель]	У переселенцев		У старожилов
	На родине	На Алтае	В средн[ем] по Алт[айскому] окр.
Лошадей на двор (616 дв[оров])	2,3	4,4	6,8
Рогатого скота (514 дв[оров])	1,3	5,2	–
Посевов на двор			
Надел на ревизскую душу	2–3 дес.	6,9	6,5

Огромная разница в положении переселенцев на родине и на Алтае ясна с первого взгляда. Из 482 опрошенных о посевах дворов новоселов, 263 (54,6%) засеивали на нов[ом] месте свыше 5 дес[ятин], а 43,4% из них – свыше 10 дес. По размерам посевов новоселы превосходят старожилов, по лошадности же отстали от них. Этого и следовало ожидать: у коренного населения Алтая скотоводство и извозный промысел до сих пор играют огромную роль в хозяйстве, переселенцы же живут исключительно пашней и кустарничеством. Этот вывод о сравнительной зажиточности новоселов подтвердили в [18]87 г. и вол[остные] правления. На запрос Губ[ернского] статист[ического] комитета более или менее определенный ответ дало 20 вол[остных] правлений; 12 из них характеризуют положение новоселов словами: «живут достаточно», «хорошо», «устроились весьма удобно», «наравне со старожилами». В Зырянск[ой] волости – «переселенцы живут гораздо зажиточнее старожилов, распаивая на один двор по 15–30 дес.»; в Сростин[ской] вол. – «все обзавелись хозяйством, многие даже лучше старожилов», то же и в Николаевской вол. 5 вол[остных] правлений уже менее решительно выражаются о благосостоянии новоселов. В Смоленской вол.: «переселенцы устроились на новых местах удовлетворительно, хотя некоторые и имеют нужду»; в Белоярск[ой] вол.: «некоторые имеют свое хозяйство, другие в услужении у старожилов»; в Енисейск[ой] вол.: «переселенцы Самарской и Тамбовской губ. хозяйства свои устроили удовлетворительно, рязанские же и вятские большею частью занимаются заработками или на приисках или постройках, но, однако ж, весьма немногие не имеют своих хозяйств». Причины последнего явления – нужды и бесхозяйности известной части новоселов – намечены в ответах Сростин[ского], Чарыш[ского] и Алтайск[ого] вол[остных] правлений: «Все переселенцы, – пишет первое, – исключая некоторых, обзавелись хозяйством, некоторые даже лучше старожилов, а другие, из более бедных, переселившиеся

¹ Последние данные относятся к [18]82 и [18]87 гг., но так как за оба года цифры лошадности и посевов на двор вполне совпадают, мы решились сопоставить их с относящимися к [18]84 г. данными г[осподина] Чудновского.



в [18]86 и [18]87 гг., имеют лишь только одну избушку». В Чарыш[ской] вол.: «устройство их (новоселов), в сравнении со старожилами, самое незавидное. Причины тому: неимение вблизи поселений лесных материалов и незначительное число скота, особенно лошадей», т.е. опять недостаток для хозяйства приносимых с родины средств. По этому поводу Алтайское в[олостное] правл[ение] говорит: «семьи, имеющие 3–4 работника, устраиваются скоро, заводя пашню и хозяйство, а семьи же при одном работнике устраиваются с большим трудом». Незавидным положение всех новоселов волости рисуют, кроме Чарышского, еще два вол[остных] правления – Бийское и Бобровское. В начале [18]80[–х] гг. Бийская вол. была уже полна переселенцами и земли в ней все распаханы; с [18]83 г. здесь начался ряд неурожаев, а с [18]84 г. – падеж рогатого скота и к концу [18]80[–х] гг. хозяйство новоселов совсем пошатнулось. Бобров[ское] вол[остное] правл[ение] пишет, что переселенцы «устраиваются в большинстве непрочно, редко довольны», но причин не объясняет. Из всех этих отзывов видно, что положение новосела определяется размерами принесенных с собой средств и продолжительностью пребывания на Алтае. Хозяйство прибывших сюда давно уже стоит, в общем, даже выше, чем у старожилов. Но первое время положение переселенца на новых местах очень незавидно. Г[осподин] Чудновский приводит подробные данные о хозяйстве переселенцев каждой губернии по отдельности, но, к сожалению, совсем не пытается определить степени зажиточности новоселов в зависимости от времени поселения на Алтае, а именно этот вопрос и имеет существенное значение. Однако из его вычислений также видно, что положение доброй половины, а именно всех непричисленных, совсем нельзя характеризовать заимствованными выше у него цифрами. Например, в д. Усть–Ануйской на один двор приходится:

[Категория крестьян]	ЛОШАДЕЙ	РОГАТ[ОГО] СКОТА	ДЕС[ЯТИН] ПОСЕВА
У старожилов	7,7	10,1	6,6
У новоселов причисл[енных]			
и непричисл[енных]	4,9	5,6	5,6
» » одних причисленных	6,6	8,2	8
(«Перес[еленческое] дело», стр. 106–[10]7)			

Здесь выделение непричисленных совершенно изменяет картину в пользу остальных новоселов. В общем, масса новоселов сильно уступает старожилам и в количестве скота и в размерах посева, одни же причисленные, т.е. прожившие на Алтае уже немало лет, по числу скота немного отстали от коренных сибиряков, запашка же у них больше. Так велика разница в положении этих двух категорий новоселов! Из 30 544 чел. перечисленных переселенцев [18]83 г. 6 921 (22,6%) не имели даже собственных домов. Впрочем,

по сведениям волостных правлений за два последние 1888–[188]9 г. положение переселенцев рисуется уже много лучше. Из всей массы 14 116 семей (8 106 припис[анных] и 6 010 непричисленных) с населением 71 439 д[уш] об[оего] п[ола] в 1888 г. бесхозяйных и бездомных было только 570 семей, или 0,8%, и бездомных, но ведущих свое хозяйство – 1 263 семьи, или 1,7 %; остальные 11 558 семей имели уже собственные дома и хозяйство. В 1889 г. из 15 943 семей (8 828 припис[анных] и 7 115 неприписных) с населением в 87 225 д[уш] об[оего] пола имели собственные дома и хозяйство 11 772 семьи, не имели своих домов, но вели свое хозяйство 1 500 семей, или 1,7% и совершенно бездомных и бесхозяйственных было 1 361 сем[ья], или 1,6%¹. Г[осподин] Чарушин говорит в отчете за [18]88 г., что в Новогорьевском заселке в [18]84 г. значительная часть новоселов жила в землянках. Не лучше помещаются первое время переселенцы и в деревнях старожилов. Очень многие из показанных в числе владеющих собств[енными] «домами» живут в тех же землянках, другие купили у сибиряков строенные «по-черному» и прокоптившиеся уже бани. Бани же служат нередко временными квартирами для бездомных, а не то последние теснятся всей семьей в какой-нибудь пристройке, холодной комнате и т.п. Следует, впрочем, заметить, что у новоселов меньше резких противоположностей в степенях зажиточности, чем у старожилов; безлошадные дворы, напр., в некоторых вол[остях] составляют значительный процент, но в огромном большинстве, по сведениям вол[остных] правлений, они принадлежат старожилам и редко только что пришедшим переселенцам.

¹ Цифры эти мы берем без всяких поправок так, как они даны вол[остными] правлениями; в них общие суммы не сходятся со слагаемыми, в особенности за 1889 г. Это несходство слагаемых с суммой больше всего бросается в глаза по волостям Бийского округа. Вот эти данные волостных правлений, сгруппированные по округам всех переселенцев:

[Категория переселенцев]	Барнаульский		Бийский		Кузнецкий		Томский	
	1888 г.	1889 г.	1888 г.	1889 г.	1888 г.	1889 г.	1888 г.	1889 г.
Приписных семей	5 244	4 647	2 134	3 619	328	289	400	273
» душ об[оего] пола	23 686	25 257	12 452	23 973	1 765	1 690	2 317	1 450
Непричисленных семей	2 299	3 019	3 336	3 487	219	175	156	434
» душ об[оего] пола	11 548	15 873	17 809	17 168	1 029	833	833	981
Ведущих свое хозяйство семей								
В своем доме	6 222	7 809	4 439	3 445	477	316	420	202
На квартире	706	867	528	543	14	39	15	51
Живущих в услужении	245	872	305	411	12	27	8	51

Это непостоянство волостной статистики, пропуски и неточность которой бросается в глаза с первого раза, останавливала нас делать какие бы то ни было выводы только на ней одной. Между тем, как увидим ниже из прилагаемой сводной таблицы в конце книги, поволостные данные о переселенческом движении крайне интересны.



Не скоро и нелегко достается собственное хозяйство безденежным и не-большим семьям. Явившись на Алтай, переселенец видит, что и здесь ему до своего хлеба придется много лет работать на других. Вполне естественно, что он не сразу мирится с этим и решается еще попытать счастье. И вот, внутри округа идет постоянное передвижение переселенцев из деревни в деревню, из волости в волость; не особенно редки случаи выселения в другие губернии Сибири, Семиречье, Туркестан и обратно на родину. На уход переселенцев в другие волости и обратный приток взамен их новых указывают 7 вол[остных] правлений, остальные молчат об этом, вероятно, потому что не следят за передвижением непричисленных. В последнее время особенно заметен переход новоселов из горных вол[остей] Алтайской и Ануйской в степные – Касмалинскую и друг[ие]. Цифровых данных о размерах внутреннего передвижения у нас очень немного. В числе живших по волостям без причисления в [18]83 г. было 1 260 чел. выходцев из других алтайских же волостей; в списки Главн[ого] Алт[айского] управл[ения] занесено их в [18]84 г. 637 с[емей], в [18]85 г. – 4 678 чел.

Последние цифры обнимают также и старожилов, переселяющихся из своих волост[ей] в другие, но число их не может быть значительно. Действительных размеров внутреннего передвижения новоселов эти цифры все-таки не выражают: сюда вошли только те, кто успел уже причислиться к одной из волостей Алтая и в данном году перечисляется в другую; большинство же меняет места поселения еще до причисления. Приведенная выше в примечании табличка о числе приписанных и неприписанных переселенцев за 1888 и [188]9 гг. может служить до некоторой степени указанием на постоянно происходящие передвижения новоселов внутри самого округа. Переменяют места не только неприписанные переселенцы, которым это делать легко, но и приписанные, а, следовательно, и обзаведшиеся уже своим хозяйством. В промежуток только одного года между 1888 и [188]9 гг. в Барнаульском окр. число приписанных семей уменьшилось на 600, в Томском – на 127, Кузнецком – на 39. Как бы мы не заподозревали волостную статистику в ошибочности, но явление внутренних непрерывных передвижений ею констатируются слишком наглядно. То, что показывается большинством волостных правлений и во всех округах, кроме Бийского, есть уже не ошибка и не исключение, а несомненный факт.

Еще менее точных данных об обратных переселенцах, а между тем, самый факт обратных переселений с Алтая не подлежит сомнению. Бийское вол[остное] правл[ение] пишет: «С [18]83 по [18]87 г. причислились только те, кто прибыли и водворились ранее, а выехать обратно в Россию и др. места не имели средств. Более состоятельные выехали в Россию и др. места по несколько семей из селения». Причины выселения – подряд трехлетний неурожай с [18]83 г., и падежи с [18]84 г. Кроме того, «земли в Бийской в[олости] едва только достаточно для населения, без всякого избытка».



Кроме Бийской, об обратных переселенцах доносят еще 5 вол[остных] правлений. Нередко и в печати встречаются известия о партиях обратных переселенцев с Алтая. В [18]86 г. корреспондент «Сиб[ирской] газ[еты]» встретил под Барнаулом 400 семей, двинувшихся обратно в Россию из Бийской в[ол.] Бийского окр. и Белоярской Барнауль[ьского] окр., где прожили 4 года. «Возвращающиеся жалуются, что они разорились; все, что привезли с собой, ими потрачено и проедено. Объясняют они свое положение, главным образом, недоброжелательным отношением к ним старожилов, неурожаем 3 последних лет и отсутствием посторонних заработков. У нас, говорят они, при неурожае в отхожий промысел пойдешь, а здесь некуда деваться: «за целую семью алтына не дадут». («Сиб[ирская] газ[ета]». [18]86 г. № 2). В том же номере «Сиб[ирской] газ[еты]» сообщается о проходе чрез Томск на Амур партии из 28 душ переселенцев, проживавших 4 г[ода] в Золотушенском заселке (новый), Локтев[ской] вол. Бийск[ого] окр. Мы уже говорили о случаях выселения старожилов в чужие деревни из-за столкновений с новоселами, Алтайское же волостное правление отмечает чрезвычайно интересный факт переселения старожилов за пределы округа: «Некоторые из старожилов, вследствие наплыва переселенцев, переходят в другие деревни Алтайской же волости, где нет или менее переселенцев, и даже переселяются в Амурскую область. Сростинское и Смолен[ское] вол[остные] правл[ения] также сообщают о выселении старожилов, но не указывают куда. Немалую роль в обратных переселениях играют и тоска по родине. В этом случае женщина является главным подстрекателем. Бывали случаи, что женщины уже чрез год подбивали своих мужей к возвращению на родину. Даже в отзывах вол[остных] правлений указывается на «скуку по родине», как на одну из причин обратных переселений. Алтайский крестьянин привык к самому широкому земельному простору, весь его хозяйственный уклад основан на полной свободе землепользования. Вполне поэтому естественно, что сравнительная теснота в земельн[ых] угодьях, сказавшаяся в некоторых волостях сразу, без переходных фазисов, с наплывом новоселов, очень резко отразилась на коренном алтайце и погнала его из родного гнезда. Помимо этого, уходят с Алтая в большинстве раскольники, для которых наплыв переселенцев в замкнутые до этого их деревни сопровождаются еще «строгим наблюдением начальства за отправлением им по своему вероучению богослужения» (Сростин[ская] вол.). Другое дело переселенец-россиец. Для него Алтай еще надолго останется сказочной по многоземелью страной. Пробившись здесь даже 10–15 лет в полурабочниках-полухозяевах, он, в конце концов, может все-таки сколотить себе хозяйство, о каком в аграрных условиях Европ[ейской] России и мечтать нельзя. И, несмотря на это, ежегодно сотни



семей новоселов, испугавшись первой же неудачи на Алтае, в конец разоренные, бегут обратно в Европ[ейскую] Россию на ту же наемную кабалу, да еще без всякой надежды когда-нибудь из нее выбиться. Обратное переселение в Россию – явление более уродливое, чем выселение алтайских старожилов на Амур. Боровлянское вол[остное] правл[ение] мотивирует обратное переселение *скукой по родине* и разочарованием в богатствах Сибири; из Ординск[ой] волости возвратилось 20 семей тоже потому, что «не понравилось без своих». Каким бы странным и нелепым ни казалось это объяснение по отношению к людям, добровольно ушедшим «на новые места», несомненно, что тоска по родине, по «своим», оставшимся дома, для большей части обратных переселенцев имела решающее значение при выборе исхода из бедствий первых лет переселения. Мы уже отметили, на основании цифрового материала, стихийный характер пересел[енческого] движения, сказавшийся в наклонности переселенцев к «стадности» и боязни одиночества на «чужой стороне»; в обратных переселениях господствует та же черта. Новосела, особенно его женщин, неудержимо подчас тянет на родину, к «своим». Он поддерживает постоянные сношения с оставшимися в России родственниками, употребляет все усилия вызвать их к себе, а иногда, при полной удаче «на новых местах», посещает лет через 10–15 родину, чтобы окончательно проститься с ней. Мы знаем случаи, когда переселенцы-неудачники, пробившись на родине года 2–4, снова идут на тот же Алтай; такие факты попадали и в печать. Но стихийный бессознательный характер обуславливает только форму движения и ничего еще не говорит о его причинах. Обратное движение, как и земельные раздоры между старожилами и новоселами, батрачество последних и т[ому] под[обные] явления, указывает на ненормальность положения переселенческого дела на Алтае.

А между тем культурная роль и экономическое значение переселений для края огромны. Нет кустарного и ремесленного производства на Алтае, которое не было бы улучшено переселенцами, а многие только с их приходом здесь и появились. Шубники, пимокаты, столяры, слесаря, швецы, штукатуры, даже плотники по городам и селам в подавляющем большинстве – новоселы. Всецело им обязан край земледельческими машинами и орудиями. Местная соха вытесняется российским плугом, веялки и сортировки в Бийском округе есть почти в каждой деревне, во всех волостях Бийского и некоторых Барнаульского окр. работают по 2–4 молотилки. Кроме городов (Бийск и Колывань), появляются такие кустарные переселенческие центры, как с. Загайново (Бийской в[ол.] Бийского окр.): здесь кроме сельскохозяйственных, делаются шерстобитные машины (ценою в 120–200 р.), точатся самопрялки, деревян[ная] посуда и т.п. Переселенцы завели в Бийском окр. маслобойни; до этого посто-



го масла совсем не было в алтайских деревнях. Они же, в большинстве, строят водяные мельницы и совсем изменили местную конструкцию ветряных¹. Местные породы скота улучшаются скрещиванием с вывезенными породами из России, а также разводятся новые породы и в чистом виде: таковы орловские рысаки (в д. Мышланке Барн[аульского] и д. Курье Бийского окр.), «чухонские» свиньи, длинношерстные овцы, крупный рогатый скот и проч.². Переселенцам же принадлежит почин и главная роль в деле улучшения семян и введении в культуру на Алтае новых сортов хлеба: преимущественно ими сеются китайская рожь («веснянка»), черный овес, пшеница белотурка, синеуска и пр.; просо вошло в состав постоянной пищи алтайского крестьянина только с развитием переселений («лет 10–15 назад»), гречу же в Бийском и Барнаульском окр. до сих пор сеют и едят одни новоселы, а из старожилов многие незнакомы с ней даже по виду. Но главное значение переселений все-таки не в этом распространении новинок кустарной техники и земледелия; переселение дало толчок к изменению самого характера, *типа* крестьянского хозяйства на Алтае. Сотню лет алтайский крестьянин нес заводские повинности: рубил в борах, за десятки верст от дому дрова и выжигал годовой «урок» угля, возил этот уголь на заводы, туда же доставлял за сотни верст руду с рудников, перевозил заводскую кладь и пр. Необходимость частных и долгих отлучек из дому отрывала его от пашни, а рудовозная повинность и богатые пастбища приалтайских степей указывали иной путь для хозяйства – скотоводство. И, действительно, оно достигло здесь немислимых для крестьянина Европ[ейской] России размеров: в [18]70[–х] гг. до падежей, дворы с несколькими десятками лошадей и рогатого скота были довольно заурядным явлением. Освобождение от завод[ских] повинностей застало это преобладание скотоводства над пашней уже вполне сложившимся, а тут потянулся длинный ряд неурожаев – засуха, кобылка, заморозки уничтожали всходы – и поддержал дореформенный строй. Сбыт хлеба, к тому же, был еще очень невелик, паромходство в верховьях Оби было лишь в зародыше, а гужевая доставка не окупалась; в [18]50–[18]60[–х] гг. цены на пшеницу не превышали 15–20 к. за пуд. Извоз по трактам, рудовозничество, продажа рогатого скота и масла давали более крупный и верный доход, чем пашня. В результате – целые деревни, где *ни один двор не сеял хлеба*, и всего 10–12 пахарей на большие, дворов в 150–200 села¹. В Бийском окр. до сих пор можно встретить крестьян, особенно из зажиточных, не бравших в руки сохи, и очень много таких, кто взялся за нее только с конца

¹ Подробнее об этом – «Кустарные промыслы» (стр. 115–138) и «Земледелие» (стр. 84–88).

² Более подробные сведения в статье «Скотоводство и эпизоотии», стр. 90–91.



[18]70[–х] гг. Переселенец начала [18]70[–х] гг. находил еще в любом углу Алтая настоящее земледельческое Эльдorado и жадно набрасывался на необъятные пространства превосходной, не видывавшей плуга целины. Коренной земледелец, он и за побочные, кустарные промыслы взялся лишь для того, чтобы сколотить копейку на хозяйственный инвентарь. В извоз новосел совсем не ходит; заведя тройку, он всецело отдается пашне и с каждой лишней лошадей расширяет посевы. «Как крот в землю зарылся, да тыщи (пудов) и намолачивает», – характеризует его сибиряк, – любит расеец землю: умрет на пашне!» Сначала, впрочем, старожилов только изумлялся и посмеивался над «жадностью» переселенцев к земле, но вскоре переменял взгляд. В начале [18]80[–х] гг. паромы повезли алтайский хлеб в Тюмень и цены на пшеницу поднялись втрое. «Ныне где хлеб, там и *деньги*», убедился сибиряк и начал сам оседать на пашню. Переход совершается быстро; мы знаем деревни – Хабазина, Барн[аульской] волости, Буранова и Шахи Шадринской, и др., где до прихода переселенцев не было ни одного пахаря, а теперь редкий старожилов не засекает 1–5 дес. Сами алтайцы прямо указывают, что за землю взяты надоумил пример новоселов; у них старожилов учатся и лучшим приемам ухода за пашней: «старожилов часто прибегают к опытности и знанию переселенцев по земледельч[еским] и хозяйственным делам и вопросам», – пишет Зырянов[ское] в[олостное] правл[ение]. Эта перемена хозяйственного строя должна отразиться изменением всего уклада алтайской деревни. Некоторые результаты сказались уже и теперь. Старый строй жизни алтайской деревни создал в ней бок о бок поразительные контрасты: около больших двухэтажных хором – десятки некрытых лачуг; наряду с владельцем доброй сотни лошадей – несколько безлошадных; одни не работали совсем, другие только на первых. В последнее время, по общему отзыву старожилов, эти крайности заметно сглаживаются, а на смену богатого меньшинства и кабальной массы, из последней выдвигается группа самостоятельных хозяев – середняков. Это и понятно: при скотоводческом хозяйстве случай и наследственная передача имущества играют гораздо большую роль, чем личный труд; в земледелии, при избытке свободных земель, наоборот; выше мы упоминали, что среди новоселов зажиточность ровнее, чем у старожилов. Постепенный подъем беднейшего большинства до положения самостоятельных хозяев выразился, в области обществ[енных] отношений деревни, в начавшейся лет 15 и еще незаконченной борьбе между деревенск[ими] группами за более справедливое, «уравнительное», распределение платежей и повинностей про-

¹ Исключение могла составлять Смолен[ская] волость, не входившая до 1861 года в состав кабинетских земель.

порционально зажиточности¹. Быстрый рост алтайского земледельческого хозяйства за последнее время можно проследить даже по заведомо неточным данным официальной статистики, которой пока приходится довольствоваться для истории земледелия на Алтае. По губернаторским отчетам, в трех алтайских округах (Бийском, Барнаул[ьском] и Кузнецк[ом]) средний, по трехлетиям, годовой сбор хлеба был:

В 1875–[18]77 годах	2 499 тыс. чет[вертей]
» 1878–[18]80 »	2 626 » »
» 1881–[18]83 »	3 036 » »
» 1884–[18]86 »	3 442 » »
» 1887–[18]89 »	5 259 » »

За 12 л[ет] – с 1875 по [18]86 г. – *средний* годовой сбор увеличился на 37,8%, или 3,1% в год. Но за это время и в населении произошел громадный прирост от притока новоселов, и, несмотря на увеличение абсолютной цифры сбора, средняя запашка на хозяйство могла даже понизиться. На одно хозяйство (двор) в [18]30[–х] гг., смотря по урожаю хлебов, приходилось от 26 до 33–х чет[вертей] сбора, в среднем значит, около 30 чет[вертей]. За последнее время, мы знаем число дворов только за [18]82 и [18]87 гг.: средний сбор на двор в эти года был в первом 32,1 чет[верти], во втором (за двухлетие [18]87–[18]89 гг.) – 44,5 четв[ерти]. Если сбросить, ввиду исключительного урожая [18]89 г., в последней цифре 20%, то и тогда прогресс алтайского земледелия выразится в росте производительности хозяйства за 50 лет, с 1833 по 1883 г., всего на 7%, и за последние 6 лет – на 10%! Очевидно, до [18]70–[18]80–х годов алтайское земледелие, увеличиваясь только пропорционально росту населения, в сущности оставалось на одной и той же, очень невысокой ступени развития и лишь с притоком переселенцев выдвигается и растет значение Алтая, как житницы Зап[адной] Сибири. В [18]87 г. с алтайских пристаней на р. Оби отправлено за пределы округа до 2½ мил[лиона] пудов хлеба, да кроме того, немалая часть пшеницы Бийского окр. вывезена через иртышские пристани. Алтайская пшеница идет и в Восточн[ую] Сибирь и на Урал. На месте 5 крупч[атных] мельниц размалывают теперь до 800 тыс. пудов в год. Вывоз зерна и муки увеличивается из году в год.

Золотое время блестящего горного Алтая – в прошлом, будущее принадлежит, без сомнения, черному Алтаю, мужицкому. И теперь уже в алтайском хозяйстве Кабинета чистый доход дают только земли и леса (считая тут и оброчную подать за пользование крестьян[ским] наделом), а горное

¹ Способы «уравнительной» раскладки изложены в ст[атье] «Платежи и повинности» (178–188 стр. «Сборн[ика]»), а факты роста в деревне, стремления к «уравнительности» и борьбы за нее были приведены в ст[атье] «Способы разверстки крестьянами платежей и земельн[ых] угодий в Бийск[ом] окр.». («Сибир[ская] газ[ета]»). [18]88 г. №№ 10 и 13).



дело даже не окупает расходы по эксплуатации управлению¹. Помимо весьма значительных косвенных выгод от общего экономич[еского] подъема и оживления края, Кабинет выигрывает на росте прямых сборов – оброчного и арендного от распахки каждого клочка незанятой земли, от переселения, хотя и на крестьянские надельные земли, каждой новой семьи. В интересах Кабинета способствовать скорейшему заселению Алтая, облегчая всеми мерами переселения и устройство на Алтае новоселов. Опасений «перенаселения» и малоземелья здесь не может быть, при усиленном приливе новоселов, еще целые десятки, если не сотни, лет. По *приблизительному* вычислению, пространство Алтая превышает 40 мил[лионов] десятин. Допустим, что только 25 мил[лионов] из них годны для земледельч[еской] культуры; при 15-десятинной норме надела на нал[ичную] муж[скую] душу, Алтай может вместить с лишком 1 600 тыс. мужск[ого] населения, в настоящее же время оно не составляет и 500 тыс.². При ежегодном переселении даже 10-ти тыс. д[уш] муж[ского] пола (а теперь оно не больше 8) норма надела в 15 дес. наполнится лишь через сотню лет с лишним. Проявившиеся ныне факты «утеснения» в угодьях, порождающие массу столкновений между деревнями и у старожилов с новоселами, лежат, очевидно, в недостатках настоящей постановки земельного дела на Алтае и могут быть устранены правильной размежевкой при окончательном наделении алтайских крестьян землею. Настоятельная необходимость этой меры – скорейшего окончания затянувшейся реформы 8 марта 1861 г., не раз уже указывалась в печати; в урегулировании поземельных отношений и преобразовании податной системы на Алтае официальное учреждение (Том[ский] губ[ернский] статистический комитет), местная пресса и специальный исследователь переселенч[еского] вопроса на Алтае, г[осподин] Чудновский, одинаково видят первый и неизбежный шаг для правильной постановки переселенч[еского] дела³. Но и эта необходимейшая мера далеко еще не решает всего пересел[енческого] вопроса на Алтае: мы видели, что большинство переселенцев приходят на место без средств и должно первые годы перебиваться на чужой работе, батраками. Очевидно, в это время они не могут приносить ни краю, ни Кабинету всех выгод, как самостоятельные хозяева. И государство, и Кабинет несут большие потери от такого положения дела: громадные недоимки

¹ См[отри] ст[атью] «Горное дело» и «Арендное хозяйство Кабинета».

² Нал[ичное] муж[ское] население в округах, по сведениям (из вол[остного] правл[ения]) Том[ского] стат[истического] комитета, в [18]87 г. было 326 664 д[уши], да в городах (в [18]85 г.) до 26 тыс. Оба числа к [18]90 году должны сильно увеличиться от естеств[енного] прироста и переселения, кроме того, цифра ст[атистического] ком[итета] была мала и для [18]84 г. Прибавив к этому еще (maximum) тыс[яч] 50 инородцев, получим все-таки не более 500 тыс. чел.

³ «Памятн[ая] кн[ижка] Том[ской] губ[ернии] на [18]84 г.», изд[ание] Том[ского] стат[истического] ком[итета], стр. 30; Чудновский. «Пересел[енческое] дело на Алтае», стр. 141 и ряд статей в «Сибир[ской] газ[ете]» за 1883–[18]88 гг.



за новыми поселками слишком красноречиво говорят об этом. Государство уже взялось за помощь переселяющимся на государств[енные] земли: закон 13 июля [18]89 г. не только дает им льготы в платежах и повинностях, но обещает и денежное пособие на дорогу и первое устройство на нов[ых] местах. И собств[енные] интересы и справедливость требуют от Кабинета того же по отношению к алтайским переселенцам. Помощь в домообзаводстве для них необходима и может быть организована без всяких пожертвований со стороны Кабинета, на кредитных началах. Устройство специально алтайского переселенческого банка, по образцу Крестьянского поземельного, потребовало бы от Кабинета не затрат, а лишь посредничества. Банк легко найдет, процентов за 6, частные капиталы, а для новосела кредит из 7–8% будет благодеянием, сравнительно с настоящей кабалой у старожилов. Оседают на Алтае ежегодно тысяч 18–20 переселенцев, или около 6 тыс. семей; из них не имеют средств для хозяйства приблизительно $\frac{1}{2}$, т.е. 3 тыс. семей¹. Мы видели, что на домообзаводство семьи необходимо рублей 200–250, следовательно, все нуждающиеся переселенцы потребуют около 700 т[ыс.] рублей ежегодного кредита. Высокий уровень зажиточности причисленных переселенцев на Алтае служит ручательством, что ссуды будут покрываться скоро и лет в 15 переселенец без затруднения может расплатиться с банком. Переселенцы редко селятся в одиночку; обыкновенно, на каждый пункт оседает ежегодно по несколько семей. Для большего обеспечения, банк мог бы выдавать ссуды только товариществам одновременно (в один год, напр[имер]) селящихся на данном месте переселенцев, за круговой порукой. Требование же поруки от обществ, куда новосел причисляется, вызвало бы лишь продажу обществ[енных] ручательств за значительную долю ссуды².

Не касаясь второстепенных мер к упорядочению переселенч[еского] движения, мы привели только важнейшие из указываемых печатью: 1) завершение поземельного устройства алтайских крестьян и 2) организация специального переселенч[еского] кредита. Только осуществление этих двух *основных* мер поставит переселенческое дело на Алтае на верную почву и обеспечит для государства, края и Кабинета все выгоды от скорейшего приложения к алтайскому чернозему крепких и умелых рук пахаря – россиянина.

Ив. Овсянкин

¹ По данным волост[ных] правлений, если считать нуждающимися в кредите только тех, кто ныне живет в услужении (1 361 семья) и ведет хозяйство, но не в собственном доме (1 500 семей), то число таких в 1889 г. было 2 851 семья.

² По слухам, организация кредита для переселенцев может из области предположений скоро превратиться в факт. Поездка нынешним летом (1890) профес[сора] А. Исаева в Томск для ознакомления с переселенч[еским] делом, говорят, имеет тесное отношение к этому вопросу, возбужденному частными предпринимателями, между которыми фигурируют и почтенные имена известных сибирских филантропов А. и И.Н. Сибиряковых. *Прим[ечание] редактора*.